ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

К Р И Т И К А

О повести Владимира Смирнова "Судный день"

Судный день

Владимир ЛИЧУТИН

Книга Владимира Смирнова невольно сбивает на серьёзные глубокие размышления о Боге и земной власти, когда между ними, как между молотом и наковальней, нахо- дится весь разнообразный русский мир. Эти мысли мне бы хотелось сразу откинуть, насколько это возможно, чтобы не упростить в словах саму сложность бытия.

Ведь Господь никого не наказует, не милует, как бы мы того ни хотели, Он все попускает нам, доверяет нашим силам, нашей воле, чтобы мы собственным трудом приослабили нравственное несовершенство. Если бы мы во всём полагались на Заступника, то наши духовные мускулы невольно превращались бы в тухлое вязкое месиво, не способное к совестному (героическому) усилию. Но когда мы пересиливаем свою слабость, то невольно молитвенно кланяемся Верховному, ибо только через Его попущение в битве с диаволом закаляемся, празднуем, пусть и крохотную, временную победу с вездесущим злом и слугами его.

Пусть мои слова звучат несколько выспренне и отвлечённо, но в них, как мне кажется, и таится не только побудительный союз Господа, верховной власти (суда с его законами) и народа, но и вечный неразрешимый конфликт между ними. Ведь власть (всегда временная) стоит на силе слуги с ружьём и "Правды своих законов", а вечный народ, признавая их необходимость, однако всегда сомневается в их справедливости, понимает по-своему, опутывает заповедями, верою, национальными привычками и пытается издавна отыскать и утвердить навеки Закон Правды (совести), который власти претит.

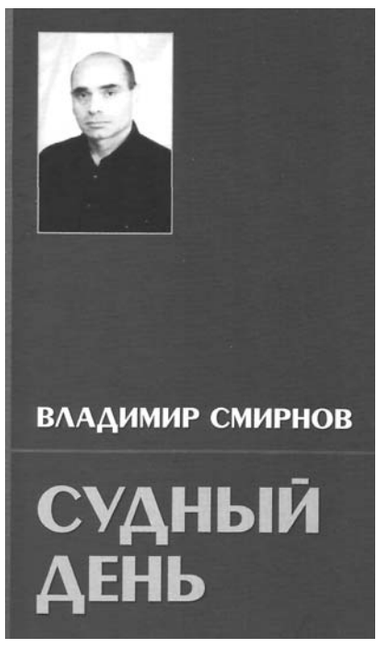
Увы, Владимир Смирнов не первый в этой борьбе с "законниками", кто ломал в поединке копья, ибо власть опиралась на суды во всякое время с глубокой древности; ярыжки и чиновные кляузники, зная свою силу, тянули дело с оскорбительной для человека волокитою, закладывая прошение в "долгий ящик" и постоянно побуждая прошака ко взятке, чтобы тот обязательно позолотил ручку "барашком в бумажке", и ничего нового, особенного, казалось бы, что случилось с автором повести, – нет, но повергает в изумление та иезуитская, вне человеческих норм, нравственная глухота прислужников власти, та душевная неотзывчивость и сердечная чёрствость, с которой обращается чиновник с простым смертным, безвозвратно отнимая его живое время, полагая подсудимого за букашку, за тварь дрожащую, с которой можно обращаться пинком и тычком, судьбу которого можно небрежно пролистать, как страницы судебного талмуда…

Удивляет, что душа судьи (чиновника) не споткнётся в сомнении, а вдруг Бог-то воистину есть, Он правит на своих весах твои неправедные деяния, и скоро грянет час – когда душа твоя канет в преисподнюю, в те дремучие миры, откуда уже не будет возврата. И ведь в церковь ходят и притворщики, и порою посулы денежные вкладывают, и молятся, но молитвы как-то ловко выскальзывают из груди, не задержавшись в той глубине, где несомненно живёт душа. Тут, в отношении арестанта Смирнова и равнодушного судебного "чинодрала" и открывается весь драматизм вроде бы рядового случая, за которым обнаруживается всё несовершенство правоохранительной системы.

Эти ярыжки повязаны круговой порукою, безбожные деяния опутывают куда прочнее стальных канатов, и эта клоака, это червилище, огнездившись в недрах государства, во всех эшелонах власти, плодит себе подобных и создаёт застойный кладбищенский воздух, от которого душно становится раздумчивому честному простецу…

И в царское время бедный крестьянин, совершив поступок, долго мыкался по судам, отстаивая свою честь перед немилосердным супостатом, который, прикрываясь именем Государя, творил самые немилосердные дела.

Да, может те столоначальники горят и стенают нынче в аду, как наверное, и те судьи, что ломали честь русского писателя, тоже на краю грядущих мук, но Смирнову, как стоятелю за истину, от этого не легче, эти страсти – его личные муки, и единственно, что смягчает, несколько понижает их градус, это упорство, с каким добровольно подвигнул себя на стояние за Закон Правды, не поддался человеческой слабости, не впал по слабоволию в тоску и уныние, хотя они и подстерегали тюремного сидельца, корёжили его душу и какие только мстительные мысли ни приходили в голову; но Смирнов и эти грешные чувства пересилил, утопил в исканиях истины в смраде камер, пересылок и лагерей, изоляторов и пресух, ссылок и колоний за долгие восемь лет, когда, казалось бы, всё чистое, человеческое, сокровенное и нежное в человеке должно было сникнуть и умереть. Над ним (Смирновым) надсмеялись в судебном присутствии, его топтала прокурорская служивая братия, стоящая горою друг за друга, и мелкая чванливая челядь, которая пыталась истереть в труху судьбу мыслящего русского писателя.



Невинно осуждённый, Смирнов и поныне долбит жалобами и запросами червивое древо власти до самого верху её, и никак не может добраться до здорового нутра, где бы сохранилась божеская правда. И, отбив срока, он невольно убедился, что не было среди сокамерников ни одного заносчивого богатея и финансового воротилы, ибо они легко откупались деньгою, но коротало годы на барачной шконке обычное бытовое "низкое племя", те "нищеброды", которым сознательно нагоняли срока, чтобы выдавить из мужика его глубинное простодушие, последние капли природной скромности и совестности.

Владимир Смирнов родился в Абхазии, в Новом Афоне, с родителями трёхлетним ребёнком переехал в Латвию, в Лиепае закончил школу, из Лиепаи призывался в армию. Когда распался Советский Союз, создал в Латвии Ассоциацию российских граждан, его объявили шовинистом, рукой Москвы, агентом Кремля. Ассоциацию запретили, газету Смирнова закрыли, против самого затеяли уголовное дело, дали три года за сопротивление полиции, выслали из Латвии в Россию. И вот в марте девяносто восьмого года Смирнов вышел из Псковской тюрьмы. Как вспоминает Смирнов первый день свободы: "Я не знаю, где сегодня буду ночевать, но забыл про всё на свете и стою, как истукан, молюсь на Русь, как идолопоклонник. И ничего нет за душой кроме России. Россия – как и первая любовь, всего-то, что поцеловались один раз, а не забыть ни в жизнь… Я ещё не знал, не ведал, что в России против меня сфабрикуют дело, и я попаду на восемь лет в тюрьму… Вблизи Россия оказалась тяжело больной и следы проказы прикрывала толстым слоем пудры".

Терпелив русский человек, если он с Богом в груди; даже в теснотах заключения он смиряет себя и строит душу. В своей книге Смирнов пишет не только лагерное сидение, философию тюремного сообщества, законы и привычки арестантов, устройство камерного быта, его особенный внутренний устав, повадки, характер, взаимоотношения и язык арестантов. Он приглядывается к людям, живя средь отверженных, не боясь смешаться с ними, не отвергая грустный унывный уклад. Лица проходят перед ним чередою, каждый со своей судьбою, можно писать сагу о горемыках, рождённых для печали.

В старину арестантов называли "несчастными", их жалели в народе, когда гремя кандалами они неспешно брели по этапу на каторгу в Сибирь, иль в ссылку на поселение; деревенские выходили к дороге, подавали хлебом, яйцами и калачами, кто-то и грошик из последнего давал. Оттого они и были несчастными, что не добровольно расставались с волею, самым дорогим Божьим гостинцем, который посылается на землю из горнего мира.

И когда писал исповедальную повесть Смирнов о своих злоключениях, его не оставляло это христовое чувство; он годами маялся среди несчастных, он и сам был глубоко несчастным, а когда близко к сердцу и самим сердцем принимаешь эту тяжкую юдоль, выпавшую по судьбе, то совсем другие слова находятся для ближнего, лишённые превосходства, презрения и лживости, но непременно тёплые, сердечные и участливые.

Синодик имён проходит перед нами, как на строевом плацу на проверке; разные характеры, разные лица, разные судьбы, иные случайно угодили под жернов государства, под его безжалостную ступню, иные – переступили через божеское по совпадению обстоятельств, по злому року, иные сплоховали по воровскому ремеслу и ничуть не отчаиваются от содеянного, не просят милости, исповедуя древний урок: "Украл, не поймали – Бог подал; украл, поймали – судьба подвела", кому тут станешь жаловаться, если фарт улизнул…

Какое богатство характеров, у многих из них жизнь-то не зачёркнута вовсе, и всё зависит от крохотной случайности, что встретится на миру по выходе из заключения.

Наше бытие висит на волоске, качается на лезвии бритвы над бездной небытия. И в каждом из арестантов писатель старается увидеть ту особенность натуры, которая может выдернуть отступившегося из трясины и привести к Богу.

Повесть Владимира Смирнова "Судный день" – это повесть научение, повесть-назидание, повесть-урок каждому из живущих, кто нынче на пиру жизни, а завтра, увы, под обломками житейского корабля далеко от спасительного берега.

По вопросу приобретения книги Владимира Смирнова обращаться по телефону: **8-499-255-73-37**

Кое-какие мысли, возникшие от прочтения книги Владимира Бутромеева "Земля и люди"

Вечная игла для примуса?!

Виктор СУГЛОБОВ

"Краткая топография места и времени" – так обозначил её жанр Владимир Бутромеев… но как пользоваться этим обозначением? Лев Аннинский в своём предисловии трансформировал его в "топографический роман": это ближе к привычному и удобнее в обращении, но по сути, весьма условно. Тогда, может быть, просто – книга? А что? Книга по-гречески – библия, а тут перед нами тоже своего рода "Библия", и если главная Библия – это, в сущности, история жизни еврейского народа под неусыпным оком незримого Бога, то у Бутромеева это история Ряснянской округи, вместившей в себя каким-то немыслимым образом историю русского народа в тот её период, когда Бог (а он у нас общий) забыл о нём, или махнул на него рукой – и отдал всё на откуп Сатане с его земными подручными. В этой библии, как и в еврейской, есть свои пророки и пророчицы, свои мудрецы, свои герои, свои злодеи и предатели, похлеще Иуды, и свой Ванька Каин, пострашнее того, древнееврейского Каина.

В той древней Библии очень много крови и жестоких убийств (у Бутромеева тоже), потому что Бог даровал евреям землю Ханаанскую, которую нужно было ещё завоевать и очистить от её жителей: то есть одних убить, а других взять в рабство, чтобы они (как у Бутромеева) работали за "штаны и за миску супа". (С той лишь разницей, что древние евреи штанов, кажется, не носили, а просто покрывались кусками ткани – иные очень дорогой и очень красивой.)

Когда евреев упрекают, что их история, воплощенная в Библии, слишком жестока: это несправедливо, потому что мир был таким, и если бы другие народы сохранили и так подробно записали свою историю – она была бы такой же примерно – не менее жестокой.

Другое дело, почему и откуда такая жестокость в истории Ряснянской округи, а по сути, всего русского христианского мира – по прошествии почти двух тысяч лет после Христа и пятисот лет после эпохи Возрождения с её гуманистическими исканиями и надеждами?..

Ответ вроде бы очевиден: от большевиков, очень любивших убивать – Ленина, Сталина, Троцкого, который, правда, "рыбалку любил больше, чем убивать людей" – на чём и пострадал (по народной версии в изложении Бутромеева). Но большевики эти не от сырости завелись: они, как известно, пошли от Маркса, который, по той же версии, научно доказал, что "нужно не работать, а грабить…".

Но и Маркс не был первым коммунистом, хотя и написал "Коммунистический манифест": он сам об этом говорил, называя своими идейными предшественниками социалистов-утопистов – Томаса Мора, автора этой самой "Утопии", Кампанеллу, написавшего, видимо в полубреду от долгого заключения и пыток, свой "Город Солнца", – и других мечтателей, не отрицавших, правда, посильный труд (хотя и под надзором строгих начальников)...

... Томас Мор жил в известную каждому школьнику эпоху "огораживания", когда английские ленд-лорды сгоняли крестьян с общинных земель и загоняли туда овец, потому что английское сукно высоко ценилось в мире, а для него нужна была шерсть. Крестьяне же становились нищими и бродягами – и против них были изданы законы о "бродяжничестве", по которым их бичевали, клеймили и отдавали в рабство, а в случае побега – вешали. Законы эти в разных вариантах существовали до 1814 года… А в 1818 году родился Карл Маркс, сообщивший вскоре, что "призрак коммунизма бродит по Европе". Так, может, этот самый призрак как раз из тех "бродяг и упорных нищих", которых благородные лорды согнали со своих земель, а потом перевешали?!

Наши "лорды" хоть и не вешали своих крепостных рабов, но запороть до смерти – это запросто… А ведь какие благородные, образованные: театры держали из крепостных рабов, оркестры из них же, художников…, которых в случае чего можно было выпороть на конюшне, продать за ненадобностью или отдать в солдаты, где их тоже могли по прихоти какого-нибудь захудалого офицерика с комплексом неполноценности прогнать сквозь строй и забить до смерти… У Станюковича – вздорная барынька посылает старого матроса – няньку её сына, добрейшей души человека – с запиской, чтоб его выпороли хорошенько… Или врёт Станюкович? Художественный вымысел?! И Некрасов врёт, когда пишет: *"Вчерашний день, часу в шестом, я вышел на Сенную: там били женщину кнутом, крестьянку молодую…"*. Может, она и провинилась – и надо было её наказать… но вот так – кнутом на площади – скотство же! А ведь благородные люди – судьи-то!

А призрак "большевизма" уже вовсю гулял по России – искал, в кого бы вселиться… Народники не подходили: слишком идеализировали крестьян, а Ленин и Сталин: они как раз родились вскоре один за другим – самые подходящие: они крестьян не любили, но их вековую ненависть к "благородиям" с успехом использовали… Как там у Некрасова дальше: *"Ни слова из её груди, лишь бич свистал, играя…"*. Что это?.. Не кричит, не стонет – молчит… Так молчат, когда знают, что когда-нибудь, если не дети, то внуки всё равно отомстят.

И мстили – без разбора… и это стало

привычкой, потребностью, болезнью, можно даже сказать, ещё на многие годы: убивать, убивать и убивать… как это с жуткой правдивостью рассказано у Зазубрина в его повести "Щепка", где расстрельщики-чекисты буквально заболевали – ходили неприкаянными, потерянными, когда несколько дней или неделю не было казней… хотя казнь – слово тут уже неуместное. Казнь всегда предполагала некоторую торжественность, когда человека взводили на эшафот или ставили к стене, и можно было, пока зачитывали приговор, последний раз взглянуть на небо и даже что-то сказать толпе или палачам…

... В октябре 1993 года, во время нашей недавней буржуазно-демократической революции (или контрреволюции?!) Ельцин вроде бы отказался от большевистской практики и устроил настоящий праздник для народа, собравшегося посмотреть на расстрел Дома Советов из танковых орудий, но втихаря всё-таки, по словам Коржакова, приказал ему "кокнуть" Руцкого и Хасбулатова, да только они были постоянно в толпе депутатов – и не получилось… "И слава Богу", – думает, наверно, сейчас Коржаков, потому что это ничего бы не изменило, но была бы лишняя подлость и гадость, которых и так было много… А также всякого вранья и провокаций.

Да, дерьма было много – всякого. Взять хотя бы знаменитое письмо 42-х литераторов в поддержку этого расстрела: ну ладно Лихачёв, натерпевшийся от советской власти, или Виктор Астафьев, тоже хлебнувший с малых лет горя и несправедливостей… А, допустим, Андрей Дементьев, обласканный при всех правителях, любимец женщин лауреат Госпремии и премии Ленинского комсомола, объездивший за казенный счет полмира, член КПСС (если не ошибаюсь)… А Роберт Рождественский?! Вот и Василий Аксёнов, которого мы в армии читали в очередь и горячо обсуждали по ночам в курилке или в сушилке, когда там не было сапог и вонючих портянок. "Этих сволочей надо было стрелять. Если бы я был в Москве, то тоже подписал бы это письмо..." (Хотя я тогда и сам подписал бы какое-нибудь такое письмо, потому что очень уж зол был на этих болванов в Верховном Совете, которые сначала сделали Ельцина председателем Президиума и президентом, а потом дружно проголосовали за Беловежское соглашение, разорвавшее нашу страну на кусочки.)

Да много ещё было способов обойтись без стрельбы и убийств в конфликте с Верховным Советом, который уже и так дышал на ладан. И они обсуждались – эти способы… например: выкурить депутатов (а заодно и толпу у Дома Советов) хлорпикрином – специальным газом, которым в армии проверяют противогазы: я сам не раз проходил такую проверку в большой землянке, куда нас отправляли неожиданно, потому что некоторые хитрожопые бойцы вынимали клапаны из масок, чтобы легко бегать в противогазе – и было очень смешно, когда они пулей вылетали из

землянки в слезах и соплях. Не очень, может быть, парламентский способ, но лучше, чем палить по нему из пушек при всём честном народе.

... Никогда ещё в своей жизни я не читал книгу, в которой слова "убить", "убивать", "расстрелять" – употреблялись бы так часто и обыденно. И это ужасает… ужасает меня, живущего в стране, где только утюг не вещает ежедневно и ежечасно про всяческие убийства в жизни и в кино: тут и криминальная хроника, и всевозможные расследования, и бандитские сериалы – и прочее, и прочее… Только подумаешь иногда: "Зачем?". А когда читаешь Бутромеева, такой вопрос не возникает – и вот это страшно! Потому что за обыденностью тех погромных убийств стоит такая правда и такая боль… Не политическая правда: этим уж не задеть, правда самой жизни – в мельчайших подробностях быта и окружающей среды, той самой "топографии места и времени", и того особого Мира, населенного разными людьми, в большинстве своем колоритными мужиками и столь любимыми автором (в художественном смысле) бабами: каждая со своей изюминкой или чертовщинкой. И всё это, где нужно, тонко приправлено народным белорусским говором.

Как я уже говорил, в книге много убийств и много разговоров и мыслей о смерти – конечном итоге жизни… Тема глубокая и непознаваемая до конца, в чём нас и убеждает Бутромеев в своей Книге-Библии. Его выводы мрачны, но с ними трудно не соглашаться: человек так и не знает, не понимает, зачем живёт, ест, пьёт – а главное: зачем убивает, когда не нужно и можно не убивать. Оно было бы, может, понятнее, если бы человек был бессмертен, пока его кто-нибудь не убьёт, и он поэтому убивает, обеспечивая таким образом свое бессмертие за счёт других. Но ведь это не так.

Как-то однажды по случаю я оказался к компании с мужиками, строившими дачу Гайдару недалеко от Апрелевки, и у них как раз решался вопрос, чем её крыть: медным листом или стальным омеднённым… Медным, конечно, очень дорого, но поскольку цена для Гайдара не имела значения, склонялись к медной, потому как "медная – это уже навечно…". А я тогда вспомнил классика: "Мне не нужна вечная игла для примуса: я не собираюсь жить вечно".

Для Бутромеева вечность – "большая бездна", а в ней хутор, где он родился, который постоянно живёт в его сознании и всплывает из него в минуты особого душевного состояния, как у Тарковского в фильме "Солярис" – дом на маленьком островке в океане, который люди с Земли изучают, думая, что они самые умные на этой чужой планете. И потому, что он родился на хуторе, в книге такое множество важных для него, милых сердцу и греющих душу деталей, имён, фамилий, прозвищ и связанных с ними событий, которые, скорее всего, не интересны современному читателю, выросшему на детективах и глупых "женских романах". Но это неважно в данном случае, потому что настоящий писатель в наше время прекрасно всё это сознает, но пишет – для себя, в основном, и для вечности…

И конечно, такую книгу трудно читать в наше время. Но я уже говорил, что это своего рода Библия, а кто сказал, что Библия – лёгкое чтение?!

(Полный вариант на нашем сайте)

Об очередном "шедевре" Татьяны Толстой

Литература для хомячков

Виолетта КОРЫШОВА

"Последнюю Нобелевскую премию по литературе дали, как известно, за публицистику. Но может ли она быть литературой? Ещё как может, о чём говорит только что вышедшая книга Татьяны Толстой "Войлочный век", возможно – крупнейшее литературное событие 2015 года", – начинает свой обзор Дмитрий Косырев *["Войлочный и серебряный век Татьяны Толстой". РИА Новости.]*

Не знаю, чему удивляться больше: тому, что автор оправдывает премию Алексиевич или тому, что называет книгу Толстой "крупнейшим литературным событием 2015 года".

Думаю, будет не лишним рассказать немного о самом Дмитрии Косыреве. По данным РИА Новости, он является российским востоковедом, журналистом, политическим обозревателем РИА Новости и писателем, а также одним из колумнистов "Новой газеты". (Напомню, что Дмитрий Киселёв, генеральный директор РИА Новости, заявил в одном из своих интервью, что цель агентства – "восстановление справедливого отношения к России как важной стране мира с добрыми намерениями". И неужели "восстановить" это самое справедливое отношение поможет колумнист оппозиционной "Новой газеты"?

Так кого же следует заподозрить в "двойной игре": Косырева или Киселёва? Хотя в любом случае первый предстаёт перед нами не в лучшем свете. На мой взгляд, невозможно работать одновременно в СМИ, находящихся на противоположных идеологических полюсах, а соответственно, и разделять точки зрения обеих структур. Вывод, думается, сделаете сами.) Кроме прочего, Дмитрий Косырев – бывший чемпион России по курению сигар в командном зачёте, участник общественной организации "Общероссийское движение за права курильщиков" (спонсируемой табачными компаниями), член правления Движения за права курильщиков, критик антитабачных кампаний.

Конечно, по наличию табачной зависимости людей не судят, но, на мой взгляд, гордиться чемпионством в зачёте по курению сигар как минимум странно. И если человек в заслугу себе ставит ЭТО, то неудивительно, что и "творения" Толстой приведут его в восторг. Возможно, я категорична, но вряд ли писатель, который даёт своим произведениям названия вроде "Кысь", "Изюм", "Сёстры", "День", "Ночь", "Река", сможет создать нечто поистине стоящее. Хотя, наверняка, найдутся и те, кто оправдает скудную фантазию Татьяны Никитичны. Так, например, "Википедия" утверждает, что "в интеллектуальных кругах писательница получает репутацию оригинального автора". Видимо, у меня с интеллектуальными кругами разные понятия оригинальности.

Однако идём дальше. "А тут – это же не литература, когда в сборнике рассказывается про "Поле чудес", не человечка из коробочки, а Леонида Якубовича, его Якубовичем и называют, вдобавок в выражениях и определениях не стесняются, – продолжает Дмитрий Косырев. – А что вы хотели от женщины из передачи "Школа злословия" – вот и злословит. Хлещет злые времена наотмашь и сквозь слёзы, мстит прошлому, и настоящему достается тоже".

"Мстит прошлому"… Мстит, простите, за что? Её произведения печатались в журналах, повсеместно издавались; ей присуждали награды (Мраморный фавн *(2000)*; лауреат Российской независимой премии в области высших достижений литературы и искусства "Триумф" *(2001)*; лауреат Национальной премии общественного признания достижений женщин России "Олимпия" *(2003)* и другие); позволяли открыто злословить на телевидении; прощали даже такие заявления: "Он [Горбачев, – *прим. автора*] может убить кого-нибудь ради процветания страны. И если он это сделает, я скажу, что правильно сделал" *["Мародерствующие шалуны". Владимир Максимов. "Континент", 1989, стр.362]*. Или всё же мстит за то, что пришлось вернуться из США в Россию?

"Нынешней осенью кто только не удивился, когда Нобелевскую премию по литературе присудили Светлане Алексиевич, кстати, за то самое – за журналистско-публицистические исследования. Как считают, конкретно за "Время секонд-хэнд" – так это ведь примерно то же, что "Войлочный век". Автор действительно полагает, что подобное сравнение привлечет ещё больше читателей (проамерикански настроенные здесь не в счёт)?

Дальше Косырев пишет: "Но в том-то и дело, что Толстая и Алексиевич никак не соприкасаются и рядом не стоят, разве что могут найти пару-тройку общих взглядов на Россию или политику. Но ведь дар, драгоценный писательский дар, к политическим и прочим убеждениям никакого отношения не имеет".

А что за взгляды, Дмитрий Евгеньевич уточнить не поспешил. Так это сделаю я. Вот, к примеру, высказывания Алексиевич о России и русском народе:

"Один итальянский ресторатор вывесил объявление "Русских не обслуживаем". Это хорошая метафора. Сегодня мир снова начинает бояться: что там в этой яме, в этой бездне, которая обладает ядерным оружием, сумасшедшими геополитическими идеями и не владеет понятиями о международном праве. Я живу с ощущением поражения";

"На этом огромном постсоветском пространстве, особенно в России и Беларуси, где народ в начале 70 лет обманывали, потом ещё 20 лет грабили, выросли очень агрессивные и опасные для мира люди" *["За какую литературу Алексиевич получила Нобелевскую премию" / Игорь Потапов / Regnum.ru]*.

И для сравнения несколько высказываний Татьяны Толстой, которая тоже недалеко ушла:

"Страна не такова, чтобы ей соответствовать! Её надо тащить за собой, дуру толстожопую, косную! Вот сейчас, может, руководство пытается соответствовать, быть таким же <…> тупым, как народ, таким же отсталым, как народ";

"Когда тебя читают 22 000 человек, это автоматически означает, что 21 000 из них – хомячки. Их реакция прогнозируема и планируема. Время от времени я пишу пост так, чтобы хомячки набежали и перегрызлись. Это же все манипуляции. Накрошишь им: эй, мышки, давай сюда. Бегут, бегут! Чтобы не пропустили место прикормки, пост хорошо озаглавить, например, "Русофобия". Обязательно прибегут и обвинят меня, в чём бы вы думали? В русофобии. Не ошибутся" *[Русофобствующая "графиня" / Андрей Соколов / Столетие.Ru]*.

Следует ли комментировать подобное? Думаю, каждый из нас уже сделал выводы. Что же касается писательского дара, который "к политическим и прочим убеждениям никакого отношения не имеет", то пусть так. Вот только скажу, что он и к Толстой никак не относится. (Подробный анализ творчества Татьяны Никитичны можно найти в статьях В.Бондаренко, В.Максимова, Н.Федченко, с которыми я по этому поводу солидарна.)

Но вот Дмитрий Косырев со мной и вышеуказанными авторами не согласился бы. В завершении своих рассуждений и похвал он приводит следующий отрывок из рассказа писательницы:

"А лет двадцать назад он, небось, думал: всё отдам за эти ноги! Недолго думал, но всё-таки был такой порыв. А ещё до того – на велосипеде, и с горки, и в ушах свистело. А еще до того – сидел на озере с удочкой, и туман такой по гладкой воде, и хлеб в кармане. А ещё до того поймал жука, огромного, с зеленым отливом, и перевернул, и смотрел, как он лапками шевелит. А ещё до того. А ещё. А теперь".

И комментирует его: "Объяснять, как Толстые "это делают", бесполезно и не нужно. Они просто есть, и довольно".

При этом, если верить самой Татьяне Никитичне, пишет она, "чтобы руку разминать, чтобы не забыть, как грамматически строить предложения". Вот только, кажется, память её всё же подводит. Разве нас учили подобному синтаксису?

Замечу, что немного ранее автор растолковал феномен "таланта" Толстой: "Откуда у неё это взялось – да вот от дедушки, Алексея Толстого, потрясающего стилиста. Та же щедрость словесных находок, та же лёгкость, те же запоминающиеся навек образы, то жуткие, то смешные".

Действительно, и почему же я не обратила на это внимание? Образ жука прописан идеально – надолго запомню, что он был огромным, с зеленым отливом, да ещё и лапками шевелил! А туман? Неописуемый, видимо, и чтобы обеспечить лёгкость восприятия, писательница подобрала самый подходящий эпитет "такой": "Туман такой по воде".

Видно, далеко мне до именитых "мастеров слова", а потому не смею посягнуть на великое творение Толстой. Похоже, чтобы по достоинству оценить талант именитой писательницы, нужно как минимум быть чемпионом в забеге по курению или хотя бы состоять в интеллектуальных кругах с "правильным" пониманием слова "оригинальность".

На снимке: *созвучие – Татьяна Толстая с “дежурным по стране”*